

Глава 84. Госпожа Хэ

Любопытства Цзян Тана хватило ровно на секунду.

Потому что, помимо того защитного знака, Фу Линцзюнь тут же снова начал учить его новым вещам, и на праздное любопытство у него уже не оставалось времени. Вся голова быстро заполнялась ритмом учителя Фу: запоминай один знак за другим.

Хорошо ещё, что когда-то Цзян Тан в бешеном темпе зазубрил целый стол книг по талисманным знакам. За эти дни он, конечно, успел подзабыть многое, но стоило ещё раз другой пробежать глазами, и память быстро вернулась. Места, куда нужно помещать духовные ядра, в основном тоже были похожи. Теоретически достаточно было разложить их по соответствующим ключевым точкам, и всё должно было заработать.

Когда с помощью силы знаков у него получилось создать что-то вроде маленького огненного шарика, Цзян Тана тут же занесло. Ему даже почудилось, что эти талисманские знаки вообще ерунда. Дай ему немного времени, и он станет нынешним великим мастером знаков.

Потом жизнь звонко вlepила ему пощёчину.

Войти в это дело всегда легко. Трудное начинается после. Даже для самого маленького массива в разные узлы нужно подбирать разные знаки, и не по одному, а бесчисленное множество. А раз духовной силы у него не хватало, каждый этап приходилось заменять самими знаками и духовными ядрами. Всё должно было цепляться одно за другое без малейшего сбоя и при этом соответствовать закону взаимного порождения и подавления пяти стихий.

То, что говорил Фу Линцзюнь, звучало так: сначала так, потом этак, готово.

То, что слышал Цзян Тан: @\$^&%!\$#*&%[]&@34%#!

— Ын, — жалобно пискнул он. Нет, он не может, он не понимает, он двоечник!

После этого маленький пёсик пустил в ход свою любимую тактику. Подскочил и обнял Фу Линцзюня за руку:

— Слишком много... не запомню.

Он специально несколько раз часто-часто моргнул, задрал голову. В этих глазах плескались две прозрачные заводи, будто колыхнувшиеся от ветра, подёрнутые влажным блеском.

Фу Линцзюня глубоко тронул несчастный взгляд маленького пёсика, поэтому он в виде особой милости позволил Цзян Тану отдохнуть время одной чашки чая.

Одной чашки чая... У Цзян Тана аж голова закружилась. Это же всего минут десять. Какой тут отдых!

— Не пойдёт, — он всё так же держался за его руку и раскачивал её. — Завтра... буду учиться завтра.

А потом ещё по-собачьи услужливо размял великому боссу плечи:

— Ну хорошо?

Силы у него было немного, ростом он тоже не вышел. Так что, если сказать, что он массировал

Фу Линцзюню плечи, это было бы сильным преувеличением. Скорее он просто весь вытянулся на носочках и почти повис у того на спине. А две маленькие ладони вдобавок начали шарить где ни попадя, что было уже совсем неприлично.

Эту беспокойную руку тут же поймали.

Фу Линцзюнь, разумеется, остался недоволен.

Он хотел научить Цзян Тана очень многому, но тот просто не успевал всё переварить. И даже наказывать его за лень было нельзя, потому что Цзян Тан и правда не ленился.

Когда Фу Линцзюнь развернулся, на него тут же уставились те самые большие влажные глаза. В них были и угодливость, и кокетство, и обида, и жалость к себе.

Раз руку поймали, хитрый малыш тут же начал кончиком пальца щекотать его ладонь. Легко, почти невесомо, словно пёрышком: то касаясь, то ускользя.

— Завтра, — наконец уступил Фу Линцзюнь.

Тот, кто только что беззастенчиво лапал его, тут же подпрыгнул на месте и громко выпалил:

— Хорошо!

Учёба закончилась. Наступило время спать.

Перед сном Цзян Тан всё-таки немного нервничал: а вдруг перед этим произойдёт что-то такое, что цензура не пропустит? Но Фу Линцзюнь снова всего лишь обнял его и просто уснул.

Немного разочарован.jpg

Трусливый и жадный маленький пёсик потёрся щекой о его грудь.

От Фу Линцзюня пахло так, будто свежий снег лёг на сосны и на ветви цветущей сливы, а ты на рассвете распахнул окно, и внутрь хлынул чистый, прохладный, тонкий аромат.

Этот запах усыплял и почему-то дарил чувство безопасности. Очень скоро он уснул.

Наутро Фу Линцзюнь, как обычно, исчез вместе с Сян Сином. Цзян Тан уже по накатанной пошёл искать, с кем бы поболтать, но сегодня даже Е Чжэнвэня не оказалось на месте.

— Сегодня госпожа Шэн и господин Сун приехали в область Цянькунь, — объяснил Хуай Чэнъинь. — Он так обрадовался, что сразу же умчался, как только получил весть.

Цзян Тан немного подумал и спросил:

— Разве они... не в префектуре Кунчань?

Когда они были в префектуре Аньюань, Сун Цзиньяо, услышав, что могилу Хэ Сюаньцина раскопали и тело украли, тут же простился с Хуай Чэнъинем и вместе с Шэн Исюэ отправился в префектуру Кунчань. Цзян Тан думал, что они ещё какое-то время пробудут там, утешая госпожу Хэ, которая была совсем плоха духом. Кто бы мог подумать, что они вернутся так быстро.

Выражение лица у Хуай Чэнъиня стало немного странным:

— Госпожа Хэ тоже приехала с ними... Говорят, вместе с ней прибыл и глава семьи Хэ, да ещё целая свита охраны.

— А?

Цзян Тан не понимал. Та самая госпожа Хэ ведь была уже на последних месяцах беременности, а после череды таких бед едва не лишилась ребёнка от горя. Как глава семьи Хэ вообще решился позволить жене в таком состоянии разъезжать повсюду?

Именно поэтому у Хуай Чэнъиня и было такое странное лицо.

Понизив голос, он сказал:

— У госпожи Хэ... боюсь, голова уже совсем не та, что прежде. В последние дни она всё твердит, будто умерший Хэ Сюаньцин находится где-то на Срединном континенте и она чувствует его. Если не дать ей приехать на поиски, она с таким огромным животом начнёт рваться напролом, и ей станет только хуже... У главы семьи Хэ не было выбора, вот он и привёз её на Срединный континент. Госпожа Шэн с тех пор, как попала в Кунчань, всё время подпитывает лекарственной силой ребёнка в утробе госпожи Хэ. Та собралась ехать, и госпожа Шэн с господином Суном поехали вместе. К тому же мы и сами сейчас в области Цянькунь, так что можно хоть как-то присматривать друг за другом.

Выслушав это, Цзян Тан только сильнее почувствовал, какая госпожа Хэ несчастная женщина.

И вместе с тем какая она великая мать.

Когда Хэ Сюаньцин ещё был жив, она ради лекарства для сына без колебаний отправилась за тридевять земель в Тяньвэньхай.

А теперь, когда даже его тело было похищено, она, несмотря на огромный живот, всё равно приехала искать останки сына.

— Кстати, — Хуай Чэнъинь глянул Цзян Тану за спину. — Дед велел мне, как только госпожа Хэ немного устроится, сначала сходить к ней от его имени и отнести несколько укрепляющих духовных лекарств. Я как раз сейчас собираюсь выходить. А ты?

Раз Фу Линцзюня и Сян Сина уже второй день не было рядом, Хуай Чэнъинь боялся, что Цзян Тану одному в обители Десяти Сторон будет слишком скучно.

— Пойдёшь со мной?

Если остаться в обители Десяти Сторон, ему останется только рисовать да зубрить знаки. А двоечник, которому всю ночь промывали мозги учёбой, разумеется, выбрал прогулку.

— Пойдём!

В последнее время в области Цянькунь и правда было очень оживлённо.

Не только из-за ежегодного Пира Десяти Сторон, но и потому, что подходила к концу проводимая раз в десять лет Битва Небесных Дарований. Совсем скоро должны были выбрать новую пятёрку Небесных Дарований. Пусть главную компанию и лишили права участвовать, всё-таки именно эта Битва Небесных Дарований должна была прославить Сун Цзиньяо. Кроме тех, кого вычеркнули, там осталось ещё немало талантливых участников, и общий уровень у

этого поколения был заметно выше, чем обычно.

По заведённому порядку всем хотелось урвать себе немного свежей крови. Даже если кто-то не войдёт в пятёрку, но покажет себя в Битве Небесных Дарований, его всё равно могут забрать к себе небольшие школы и секты. Так что к моменту награждения, кроме больших людей, приехавших на Пир Десяти Сторон, сюда подтянутся и представители более мелких сект со всего Люхэ.

Да и награда для пятерых Небесных Дарований в этот раз была особенно щедрой, так что посмотреть наверняка придёт ещё больше народу.

Вместе с Хуай Чэнъином Цзян Тан отправился в роскошную гостиницу в очень хорошем месте внутри области Цянькунь. Глава семьи Хэ заранее выкупил весь постоянный двор, поэтому посторонние туда не входили. У дверей стояли четверо охранников дома Хэ и вежливо разворачивали всех культиваторов, пытавшихся приблизиться.

Стоило им войти в главный зал, как они увидели и Е Чжэнвэня, и давно не виденного Сун Цзиньяо. Шэн Исюэ рядом не было. В зале сидел ещё один молодой мужчина с правильными, мужественными чертами лица. Вид у него был неважный, но, пока молодые вокруг пытались разговорить его, он всё же кое-как держался.

В мире культивации все выглядели моложе своих лет, так что Цзян Тан смело предположил, что это и есть глава дома Кунчань.

— Глава семьи Хэ, — ещё у входа Хуай Чэнъинь приготовил подарок. Он вместе с Цзян Таном подошёл вперёд и вручил его. — Дед сейчас участвует в собрании Десяти Сторон о Дао. Как только завтра освободится, сразу придёт навестить вас.

Цзян Тан тоже поклонился, а сам с любопытством огляделся.

В гостинице было тихо. Кроме голосов в главном зале, вокруг стояла почти пугающая тишина. Будто внутри и снаружи повсюду развесили талисманы тишины, так что всё живое звучание словно вымели подчистую. Вообще-то Цзян Тану очень хотелось сказать, что если у госпожи Хэ и правда плохо с душевным состоянием, то ей как раз нужно побольше слышать вокруг живые голоса. А в такой мёртвой тишине даже хорошее настроение может быстро обернуться унынием.

Впрочем, это уже было не его дело. Просто он зря переживал.

И вдруг со второго этажа донёсся резкий грохот, будто кто-то опрокинул стол, а потом распахнул дверь и, спотыкаясь, бросился наружу.

— Тётушка Хэ! — Шэн Исюэ тут же выбежала следом и хотела поддержать вырвавшуюся из себя госпожу Хэ, но та оттолкнула её, и девушка качнулась назад.

Госпожа Хэ, как бы слаба она ни была, всё равно оставалась даосской практикующей. Шэн Исюэ же была лекарем и остановить её, конечно, не смогла.

Все внизу сразу заметили, что наверху что-то случилось. Глава семьи Хэ в панике взбежал по лестнице, обнял госпожу Хэ и тихо стал её успокаивать. Но та вырывалась так сильно, что он побоялся причинить ей боль и лишь придерживал её за плечи.

Подняв голову, Цзян Тан увидел красивую женщину с огромным животом. На ней были

роскошные одежды и полный убор драгоценностей, но лицо у неё было белое как бумага, а сама она выглядела до крайности измученной.

И тут Цзян Тан вдруг понял, что уже видел её раньше.

Это была та самая госпожа в роскошном платье со множеством слоёв ткани, которую он встретил во время побега из Тяньвэньхая. Если бы не она, если бы тогда она не прошла мимо и не заметила спрятавшегося у подола Цзян Тана, его бы давно уже схватили обратно и пустили кровь досуха.

Так это она... та самая госпожа Хэ, у которой умер сын?

Рука госпожи Хэ, вцепившаяся в перила, дрожала. Голос тоже дрожал, но в нём звенела радость:

— Нань-эр... Нань-эр вернулся...

Взгляд у неё был слегка пустой, но направлен прямо и безошибочно на Цзян Тана.

Цзян Тан: ?

Кто такой Нань-эр?

Похоже, увидев его растерянное лицо, Хуай Чэнъинь тихо наклонился к нему и шепнул:

— Хэ Нань, по имени Сюаньцин. Госпожа Хэ приняла тебя за Хэ Сюаньцина!

Сам он тоже выглядел не лучшим образом.

Одно дело слышать, что у госпожи Хэ не всё в порядке с рассудком. И совсем другое — увидеть её безумие собственными глазами.

Он незаметно шагнул на полшага вперёд, заслонив Цзян Тана собой.

— Это Нань-эр, правда Нань-эр! — повернувшись к мужу, госпожа Хэ чуть смягчила голос. — Нань-эр вернулся. Я хочу обнять Нань-эра...

Глава семьи Хэ прекрасно понимал, что стоящий внизу юноша совсем не похож на их сына и что у жены снова помутился разум. Но прежде она никогда не принимала за сына кого-то другого. Такое бурное волнение у неё было впервые.

От долгих слёз зрение у госпожи Хэ совсем испортилось, а из-за беременности ей ещё и нельзя было принимать слишком много лекарств. На лице у главы семьи Хэ проступила стыдливая беспомощность. Он беззвучно проговорил несколько слов в сторону Хуай Чэнъиня, прося, не сможет ли Цзян Тан помочь и хотя бы ненадолго успокоить госпожу Хэ.

Сам Цзян Тан, конечно, не собирался отказываться.

Пусть госпожа Хэ этого и не знала, но своим успешным побегом из Тяньвэньхая он был обязан именно ей. Поэтому он невольно проникся к ней огромной симпатией и тоже хотел хоть как-то вернуть тот старый долг.

Хуай Чэнъинь ещё только собирался неловко открыть рот, а Цзян Тан уже сам вышел вперёд.

— Можно, — тихо сказал он и пошёл к госпоже Хэ.

Наверх. Шаг за шагом. Спокойно и твёрдо.

Когда он подошёл к ней, мать с глазами, полными слёз, тут же крепко прижала его к себе, жадно вдыхая его запах и, плача, снова и снова звала Нань-эра. Повторив это имя больше десяти раз, она лишь тогда чуть отпустила его и, дрожащей рукой касаясь его лица, сквозь слёзы улыбнулась:

— Нань-эр, ты голоден? Что хочешь съесть? Мама всё тебе приготовит, хорошо?

У Цзян Тана не было сил отвергнуть её ни капли. Этой несчастной матери была нужна душевная опора. Он не знал, почему она вдруг решила, будто он Хэ Сюаньцин, но всё равно обнял её в ответ.

Ясно было, что в таком состоянии госпожа Хэ не сможет пойти готовить, поэтому глава семьи Хэ тут же велел слугам принести миску лапши, а сам осторожно отвёл жену обратно в комнату.

Цзян Тан, сидя перед госпожой Хэ, серьёзно доел всю лапшу, убаюкал её и дождался, пока она уснёт. Лишь после этого он вместе со всеми вышел наружу.

— Огромное спасибо, молодой господин! — глава семьи Хэ, осторожно прикрыв за собой дверь, повёл их вниз. — После... после того как всё случилось, моя жена уже очень давно не спала так спокойно хотя бы одну ночь...

Цзян Тан не считал, что сделал что-то особенное:

— Пустяки.

Глава семьи Хэ ещё хотел одарить его множеством благодарственных подарков. Цзян Тан сперва хотел отказаться, но потом понял, что в такой ситуации это выглядело бы не очень хорошо. Сейчас всей семье Хэ нужен был хоть какой-то душевный якорь. Если упрямо всё отвергнуть, можно только разрушить сегодняшнюю тонкую связь. Так что он всё-таки принял подарки.

Они поговорили ещё немного, а к вечеру стали прощаться. Вместе с Хуай Чэнъинем они уже собирались уходить.

Но ещё не успели выйти из гостиницы, как их догнала Шэн Исюэ.

— Госпожа Шэн, хочешь пойти с нами в обитель Десяти Сторон? — при виде неё Е Чжэнвэнь сразу оживился и подскочил ближе.

Шэн Исюэ немного смущённо отказала ему, а потом посмотрела на Цзян Тана:

— Господин Цзян, вы не могли бы помочь мне ещё в одном деле?

Цзян Тан только подумал, что сегодня к нему прямо какое-то паломничество за помощью. Для бесполезной маленькой подвески чувствовать, что он кому-то нужен, было, вообще-то, очень приятно. Поэтому он не стал сразу отказывать и сначала спросил, в чём дело.

Шэн Исюэ прикусила губу и, понизив голос, сказала:

— Ребёнка в животе у госпожи Хэ... если честно, почти уже не спасти. Она не позволяет

другим лекарям даже приближаться. В последнее время только я с трудом могу быть рядом и немного облегчать ей состояние лекарственной силой... Вы ведь помните, я уже говорила, что у вас редкий талант к лекарскому пути. И госпожа Хэ к вам очень расположена. Если вы согласитесь, вы могли бы вместе со мной подпитывать лекарственной силой ребёнка у неё в утробе.

Цзян Тан не то чтобы хотел отказать. Просто Шэн Исюэ говорила, что у него хороший талант к лекарскому пути, но сам он толком этого ещё не проверял. Он ведь выучил только самую малость метода Жуншэн и боялся, что просто не справится.

— Это... трудно? — спросил он.

— Нет, совсем нет! — Шэн Исюэ глянула на Е Чжэнвэня и Хуай Чэнъяня, ждавших у входа, и немного неловко добавила: — Или вы просто подождёте ещё немного, а я пока сначала объясню всё господину Цзяну?

Оба, разумеется, не возражали.

Вся компания вернулась в гостиницу и нашла тихую комнату, оставив Шэн Исюэ и Цзян Тана одних.

С прошлым опытом на этот раз ему учиться было уже нетрудно. Это было похоже на метод Жуншэн: просто теперь объект менялся, и вместо растений воздействовать нужно было на человека.

Цзян Тан чувствовал, как внутри него мягко течёт тёплая сила. Это и была та крошечная лекарственная сила, которую он только что сумел вырастить. По сравнению с духовной силой, которую он мог копить днями и всё равно почти не чувствовать, лекарственная сила появлялась куда быстрее. Тут даже похвалы Шэн Исюэ были не нужны: он и сам ясно почувствовал, насколько отличаются его способности в этих двух видах практики.

Он тренировался всего полчаса, а полученной лекарственной силы оказалось больше, чем духовной силы за несколько дней обычного совершенствования.

Пока госпожа Хэ спокойно спала, Цзян Тан с помощью Шэн Исюэ даже успел немного облегчить ей боль той самой крошечной лекарственной силой, которую только что вырастил.

Правда, стоило ему немного потренироваться, как голова тут же начинала наливаться тяжёлой усталостью. Сегодня он явно переборщил: в висках пульсировала тянущая боль, и лишь спустя долгое время ему стало полегче.

И всё равно ему казалось, что он стал по-настоящему полезным.

В последнее время он учился у Фу Линцзюня талисманным знакам и массивам, а теперь ещё и лекарскому пути у Шэн Исюэ. Было ощущение, будто его дерево навыков понемногу загорается всё новыми ветками. И это дарило ему огромное чувство удовлетворения.

— Скорее... назад! — радостно сказал Цзян Тан.

Е Чжэнвэнь ещё хотел немного погулять и спросил:

— Господин Цзян, не хочешь ещё немного пройтись с нами?

Цзян Тан слегка смущённо улыбнулся:

— Хочу увидеть... Линь Шэна.

Ему ужасно хотелось поскорее увидеть Фу Линцзюня и рассказать, какой он сегодня молодец. Услышать, как тот его похвалит. Или хотя бы погладит по голове.

Е Чжэнвэнь: ...

Ну и вонь от этой любви.

<http://bllate.org/book/17032/1653729>